

Поэтому единогласное осуждение на Западе (вплоть до многих глав государств) действий мусульманских террористов со ссылкой только лишь на абстрактную свободу слова и без упоминания при этом о нарушении пределов этой свободы редакцией Charlie, представляется мне односторонним, недостаточно объективным и справедливым. Интересно, как реагировали бы фанатичные последователи той или иной христианской конфессии, если бы, например, в той же Франции какое-то издание (мусульманской или иной религиозной общины) напечатало бы карикатуры на Иисуса Христа, его учеников, Деву Марию? Думается, что в этом случае главы европейских государств вряд ли возглавили бы многотысячную демонстрацию в поддержку свободы слова. В заключение еще раз скажу, что естественно обуславливаемое социальной неоднородностью любого европейского общества закономерное разнообразие интерпретации ценностей, «святынь» (духовных, идеологических, моральных, политических и др.) является непреложным, реальным социальным фактом. И речь идет лишь о том, чтобы на основе консенсуса выработать взаимоприемлемые процедуры, инструменты разрешения тех противоречий, конфликтов, которые порождаются этим разнообразием. Я имею в виду выбор, условно говоря, того судьи (органа), решение которого будет неукоснительно соблюдаться даже теми сторонами конфликта, которые с таким решением не согласны.

*Юлия Разметаева,
кандидат юридических наук (г. Харьков)*

О СВОБОДЕ СЛОВА И СВОБОДЕ РЕЛИГИИ

Конфликт различных свобод существует с тех пор, как люди вообще осознали их своими свободами, правами и ценностями. К примеру, такая важная возможность, как свобода слова, конечно, не безгранична в своей реализации. В зависимости от общих принципов и конкретных жизненных

ситуаций, пределами для свободы слова могут быть право на жизнь или право на защиту чести и достоинства, общественная мораль или безопасность. И один из принципиальных споров здесь – между свободой слова и свободой религии.

Рискну предположить, что реакция французов на трагедию Charlie Hebdo, которая заставила многих говорить о ценности вольного выражения мнения и допустимых его ограничениях, была вызвана не только тем, что для общества западной традиции неприемлемо посягательство на фундаментальные свободы, принципы и ценности, а и тем, каким именно было посягательство. Террористические акты, убийства, пытки, запугивание – разве это допустимые для оскорбленного в религиозных чувствах человека? Если вы считаете, что кто-то злоупотребляет свободой слова, оскорбляя религиозные чувства или заходя на территорию других свобод, отстаивайте это пропорциональными и адекватными методами. Сколь бы сильной ни была ваша обида, как бы ни пострадала картина мира и мораль, вы не можете уничтожать тех, кто в этом виновен. Обратитесь в суд, докажите, что, к примеру, действия карикатуристов неприемлемы – пусть тираж журнала будет изъят, а вам принесут публичные извинения. Соберите демонстрацию под окнами издательства, возьмите свои лозунги и карикатуры – пусть часть общества поддержит вас и раскритикует журналистов.

Многие защитники свободы религии, которые настаивают на ограничениях свободы на почве веры, утверждают: «Некоторые вещи слишком святы, чтобы их трогали». Но кто и по каким критериям будет делать выбор о неприкосновенности определенных тем? И даже, если бы мы согласились, что есть принципиально важные для верующих вещи, о которых нельзя шутить или преподносить в сомнительном и невыгодном свете, не получится ли так, что этих вещей окажется слишком много? И тогда мы будем отрезать по кусочку от пирога свободы слова, пока от него ничего не останется.

Другой вопрос: должны ли быть привилегии у религиозной доктрины, в сравнении в любой другой? Предположим, кто-то искренне верит в струнную теорию строения Вселенной и воспринимает грубую критику в ее адрес, как ужасную трагедию и обрушение картины мира. Предположим, этих людей сотни тысяч. Почему они должны быть лишены возможностей отстаивать

критично важные для себя взгляды, аналогичных возможностям адептов религиозных доктрин? И, кстати, никто не слышал о группе физиков-теоретиков, врывающихся в редакцию журнала с автоматами после публикации материалов, высмеивающих черные дыры?

Поэтому в неизбежном столкновении свободы слова и свободы религии, сложно принять сторону второй. Конечно, хорошо бы выработать какой-то динамичный баланс для подобных конфликтов, но, увы, хорошего рецепта здесь не существует. Единственный базовый ингредиент – любые конфликты свобод должны решаться в рамках правового поля, цивилизованными, адекватными и пропорциональными методами. И уж точно не убийствами или обвинительными приговорами светского суда, использующего вместо закона религиозные тексты и показания отцов церкви.

*Наталья Сатохина,
кандидат юридических наук (г. Харьков)*

СВОБОДА СЛОВА ПОСЛЕ СОКРАТА

Мыслить критически – древняя забота философии, которую в ее сознательной форме можно возвести к деятельности Сократа в Афинах. Сократ занимался тем, что с помощью рассуждения делал процесс мышления публичным, превратившись, таким образом, в образцовую фигуру философа, принимающего вызов любого, открытого для любых вопросов, для любых требований отчета в своих словах и жизни в согласии с ними. Так, подвергая себя свободному и открытому испытанию, философ освобождается как от догматизма толпы, так и от догматизма избранных авторитетов. И хотя мышление – это безмолвный диалог с самим собой, но если мы не способны сообщить другим то, что открыто в одиночестве, способность мышления исчезает. По словам Карла Ясперса, истина – это то, что я могу сообщить другим. Поэтому, согласно Иммануилу Канту, «та самая внешняя власть,